

poprušnica 'хворост, прутья' (Хвар) с несомненной корневой частью **prqt-* > *prut* 'virga'³⁴. Далее можно отметить интересные в семантическом отношении чак. *razorīt se* 'светает' (Брач), *oblōk* 'лужа' (Брач), *pot* 'зной' (Брач), *kūžel* 'водоворот' (Вргада)³⁵, тождественное, видимо, слав. **kqžель* 'часть прялки' (в плане семантической взаимосвязи ср. с.-хорв. *kōlovrat* 'самопрялка' и 'водоворот').

Приведенные нами примеры имеют целью показать ту несомненную пользу, которую может получить от чтения новых словарей чакавского диалекта не только исследователь сербохорватского языка, но и славист, интересующийся разными аспектами развития праславянского языка. Можно с уверенностью сказать, что оба словаря прочно войдут в научный обиход и станут надежным лексикографическим источником при исследовании вопросов исторического словообразования, акцентологии, семантики. Названные словари создают прочную основу для дальнейших поисков новых этимологических решений и реконструкции диалектного состава праславянского лексического фонда.

Л. В. Куркина

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка, т. I (А—Б). Под ред. И. С. Галкина. Йошкар-Ола, 1979, 255 с.

В 1979 г. вышел из печати первый том «Этимологического словаря марийского языка» (далее — ЭСМЯ), создаваемого Ф. И. Гордеевым, известным специалистом по ономастике и истории заимствований в марийской лексике.

Принципы построения ЭСМЯ кратко изложены в вводных разделах (с. 6—29). По типу словарь определяется самим автором «как сравнительно-исторический справочник с учетом достижений современной марийской лингвистики, финно-угроведения, а также тюркологии, иранистики, славяноведения и баллистики» (с. 7—8).

Словарная статья открывается обычно словом лугово-восточного марийского литературного языка. Поэтому марийская часть в словаре оформляется в соответствии с правилами современной марийской графики и орфографии. Этим же нормам подчинено написание диалектной лексики, в том числе и узких ввелитературных слов (с указанием во всех возможных случаях границ их распространения — в одном или нескольких говорах того или иного марийского наречья). Сюда же относятся и окказионализмы, привлекаемые в немалом количестве из произведений марийской художественной литературы, а также редкие лексемы, зафиксированные в памятниках письменности прошлых столетий.

Сравнительно-сопоставительные материалы даются в основном с сохранением графики и орфографии используемых источников, но некоторые буквенные обозначения заменяются в ЭСМЯ знаками кириллицы или латиницы, «более или менее сходными по функции» (с. 9). Совершенно очевидно, что на подобные графические замены автор вынужден был пойти по техни-

³⁴ *Skok* III, с. 36—37: s. v. *prētati*.

³⁵ *RJA* V, с. 844; с XVI в., со ссылкой на словарь Белостенца и пометой «неясно».

ческим соображениям, т. е. из-за типографских трудностей. Тем более во «Введении. . .» следовало ему обсудить детали этого обстоятельства с тем, чтобы систему транслитерации привести в строгое соответствие с первичными графическими и транскрипционными обозначениями из цитируемых источников. В ЭСМЯ не показан отдельно и порядок букв марийского алфавита. По-видимому, частично этим объясняются отдельные случаи транскрипционного разнобоя в подаче лексических соответствий и параллелей из различных языков (см., например, *шужоки* (?) — с. 104, *берян* вм. *берянь* — с. 214, *enek* вм. *ének* — с. 30, *erni* вм. *érni* — с. 133, *kövecs* (?) — с. 159, *edelny* вм. *edény* — с. 162 и т. д.) и нарушения алфавитного порядка заглавных статей в корпусе словаря (см., например, на с. 34, 37, 39, 41, 46, 47, 49, 56, 57, 78, 83, 88, 108, 109, 112, 114, 119, 124, 133, 137, 145, 152, 163, 165, 166, 169, 170, 171, 176, 203, 204, 212, 215, 218, 220, 229, 232 и др.).

Говоря далее о структуре словарных статей, автор указывает, что «этимоны» воспроизводятся им «только в двух плапах: в общемарийской или домарийской, нередко в поволжской, болгарской (древнечувакской), позднесарматской (доосетинской)» (с. 9) праформах (?).

В отдельных словарных статьях приводятся «данные о заимствованиях финно-угорскими языками из других языков и заимствованиях из финно-угорских языков» (с. 9). Но такую информацию в пределах этимологического словаря одного финно-угорского (в данном случае — марийского) языка нельзя не признать избыточной. См. схему некоторых словарных статей: *äbräkäi* 'уборная' < татар. > удм. (с. 33); *азу*, *азу* 'клык, коренной зуб', удм. *азу* 'тж' < татар. (с. 57); *але* 'или; пока, еще; част. -ка' < татар. (< перс.) > манс., хант. (с. 86); *аныж* 'запас' < татар. > морд. (с. 119); *арлан* 'хомяк' < татар. > удм., морд. (с. 146); *ать*: *ать-два* 'раз, два' < рус. < венг. (с. 166); *ахальнык* 'парень, заигрывающий с девицами', чуваш. *ахальник* 'то же' < рус. (с. 170); *Бекешев* — фамилия. *Пекеш* — мужское имя < рус. — апслятив *бекеша* < венг. (с. 212) и т. п.

После реконструированной праформы заглавного марийского слова, как правило, приводятся финно-угорские соответствия, а в случае заимствования — параллели из других языков, откуда то или иное слово могло проникнуть в марийский. При этом Ф. И. Гордеев не скрывает своего увлечения «лексическими сходжениями как внутри восточнофинно-угорских языков, так и между марийским и другими языками Восточной Европы» (с. 8). Последние автор рассматривает «как материал для дальнейших этимологических разысканий» (там же). Но, по-видимому, этимологический словарь одного языка все же не совсем подходящая арена для проведения столь широких поисков. См., например, содержание отдельных статей подобного рода: *ä* (с. 30), *ава* (с. 35—36), *авыраш* (с. 43), *агар* II (с. 44—45), *азу* (с. 56), *азырен* (с. 58), *-ак* (с. 66—67), *ака* I (с. 67), *ал* II (с. 76), *är* II (с. 125), *ара* I (с. 127—128), *арака* IV (с. 130), *аранга* (с. 132), *араш* II ((с. 133—134), *арва* I (с. 135), *артам* (с. 150—151), *Атманов* (с. 171), *агал* (с. 170), *Арян* I (с. 156) и др.

Еще более широкими оказываются поиски Ф. И. Гордеева в области изучения собственных имен, которые, между прочим, заняли добрую половину реестра слов первого тома ЭСМЯ. И особенно много спорного и неясного допущено в топонимических штудиях. См., например, статьи: *Ака* II (с. 67), *Аккаи* (с. 69), *-ан* (с. 102—106), *-анга* (с. 109—110), *Анда* (с. 112), *Ар* V

(с. 126—127), *Арзамакша* (с. 142—143), *Арзамаска* (с. 143), *-ас I* (с. 156—157), *-ать II* (с. 166—167), *-аш* (с. 174—175), *-бай* (с. 185—186), *Бакалда* (с. 188), *-бал* (с. 190—191), *-бан* (с. 196—197), *-бар* (с. 198), *-бат* (с. 203—204), *Башкири* (с. 208), *-беж* (с. 210—211), *-бель* (с. 213—214), *-бирь* (с. 218—219), *-бой* (с. 223—224), *-буй* (с. 235—236), *Быргында* (с. 253) и пр.

В определении состава словника (заглавной части) ЭСМЯ допущено противоречие. С одной стороны, автор заявляет, что «Словарь. . . охватывает лишь наиболее употребительные корневые слова» (с. 8). А с другой, — всего лишь несколькими строками ниже подчеркивает, что реестр слов ЭСМЯ представляет «все четыре диалекта. . . В нем даны также слова, бытующие как в разговорной речи, в отдельных говорах горного, северо-западного, лугового и восточного диалектов, так и в произведениях художественной литературы, не зафиксированные составителями двуязычных словарей» (там же).

Концепция ЭСМЯ по сути дела опирается на классификацию (и подробную рубрикацию), которую осуществил Ф. И. Гордеев в отношении словарного запаса марийского языка. В марийской лексике автор выделяет следующие пласты и группы слов (с сохранением их названий в формулировках Ф. И. Гордеева):

1) финно-угорский (в марийском словарном фонде автор насчитывает более 800 корней слов финно-угорского происхождения);

2) иранский: а) древнесарматские проникновения; б) позднесарматские заимствования, близкие к доосетинским формам;

3) тюркский: а) древнечувашские заимствования, или булгаризмы, в ряде случаев совпадающие с теми же в удмуртском и венгерском языках; б) чувашизмы, характерные только для отдельных диалектов и говоров марийского языка; в) собственно чувашские заимствования в горном диалекте, соответствующие эквиваленты которых в луговом и восточном наречиях представлены как татаризмы; г) иранизмы, проникшие в марийский язык через чувашское посредство; д) чувашско-марийские слова с неясной этимологией; е) общая лексика чувашского языка и марийских говоров, обусловленная татарским влиянием; ж) ложные чувашизмы, или марийские заимствования в чувашском языке; з) общая лексика марийского и чувашского языков, образовавшаяся под русским влиянием; и) татаризмы, характерные для всех диалектов марийского языка; й) татарские заимствования, встречающиеся в отдельных наречиях или говорах; к) общая древняя лексика для марийского, татарского и иранских языков, или сомнительные этимологии;

4) русские заимствования: а) вошедшие через болгарское посредничество; б) проникшие как татаризмы; в) собственно русские заимствования;

5) восточноевропейские лексические параллели: а) весьма близкие к балтийским языкам; б) общие для уральских и тюркских языков; в) общие для уральских, иранских и тюркских языков;

6) собственно марийская лексика, сложившаяся под действием внутренних законов развития отдельных систем (с. 6—7).

Первый том ЭСМЯ снабжен большими списками сокращений: литературы; языков и диалектов; географических наименований; рукописных источников (с. 10—29). Однако алфавитный список названий, напр., в разделе «Литература» (с. 10—18) доведен лишь до буквы «Д». Большую же

часть литературы автор собирается поместить «в последующем томе» (с. 10). Таким образом, читатель первого тома ЭСМЯ пока лишен возможности обращаться в необходимых случаях к тем источникам, которые до издания следующих томов словаря остаются зашифрованными в пределах тех или иных статей первого тома. И в то же время в объявленном по алфавиту списке литературы, конечно, осталось немало т. н. избыточных позиций, на которые не последовало ни одной ссылки в статьях первого тома ЭСМЯ. Примерно так же обстоит дело с другими списками сокращений.

Таковы, — в том виде, как их декларирует Ф. И. Гордеев в «Предисловии» и «Введении. . .» (с. 6—29), — концепция ЭСМЯ и принципы его составления. Следует отметить, что вводные разделы к словарю написаны наспех, изложены с очевидными лакунами. Так, автор даже не упомянул, что в разрабатываемый им словарь, наряду с апеллятивной лексикой, включается (причем без видимых ограничений) и ономастическая лексика. Не указано, что в первом томе ЭСМЯ в специально отведенных заглавных статьях рассматривается этимология топоформантов, см., напр.: *-аж* — топоформант в составе названий мест на территории распространения и бывшего пребывания финно-угорских народов (с. 52); *-ал IV* — топоформант, выступающий в составе названий мест на территории расселения или бывшего пребывания восточных финно-угров (с. 77—78); другие примеры этимологизации топонимов и топоформантов см. выше. Не указано, что в реестр слов ЭСМЯ очень широко (фактически без попытки их отбора для этимологизации) включаются т. н. новейшие заимствования — преимущественно интернационализмы типа *абажур, абонемент, абонент, абсурд, аббревиатура, авеню, авторитет, агент, агентура, агрегат, агрессор, адвокат, академик, аккумулятор, акробат, актёр, актив, акушер, акцент, алмаз, алфавит, амбразура, ампула, амфитеатр, анапест, ансамбль, антициклон, антоним, антракт, антрекот, аппарат, аппендицит, арена, арматура, артикль, арфа, архаизм, архив, атлет, атом, аттестат, аферист, афиша, афоризм, багаж, баланс, балет, банкет, барометр, баскетбол, библиотека, бильярд, бинокль, биолог, биллан, бисквит, биштекс, блиндаж, блокада, блокнот, блюминг, бойкот, бокал, brassистка, брикет, бром, буги-буги, бульдог, бульвар, бульон, бургомистр, бурмастер, бутерброд, буфер, буфет, бухгалтер, бюджет, бюллетень, бюрократ, бюст* и многие др. В заглавной части ЭСМЯ иногда встречаются и грамматические формы, см., напр.: *-ай I* — суф. вокальной формы (с. 59), *-ан V* — усилит.-побудит. частица, выступающая в императивных формах глаголов: *толжо* 'пусть идет' — *толжан* 'пусть же идет', *пу* 'дай' — *пуан* 'дай-ка' (с. 106—107), *-аныш I* < суф. *-ан* и *-ыш* (с. 119), *-аш II* — суф. имен существительных, указывающий на назначение предмета (с. 175) и т. д. Заметим, что материал такого рода все же является объектом рассмотрения исторической грамматики (морфологии), а не этимологического словаря.

В словнике ЭСМЯ в большом количестве находим антропонимы, топонимы, этнонимы и т. п., являющиеся принадлежностью русского, иногда татарского, а не марийского ономастикона. См., например: *Азаново* — официальное (следовательно, русское! — А. Ф.) название мар. деревни *Мишьяксола* (с. 55), *Акашево* (Большое и Малое) — русск. деревни в. . . МАССР. Наименование дано по имени основателя селения (выходцы из центральных частей России) (с. 68—69), *Алеево* — офиц. назв. мар. деревни *Алисола*

(с. 86), *Аленкино* — офиц. назв. мар. деревни *Йокнур*. Наименование дано по антропониму. . . *Аленкип*. . . , д. *Аленкино* в Псковской губ. (с. 86), *Албинский* (с. 95), *Анненское* — назв. озера (с. 116), *Антропово* — второе назв. мар. д. Яндемирово (с. 118), *Арбаш* — татар. село (с. 134), *Атолово* — офиц. назв. мар. д. *Пынгельмычаш* (с. 166), *Афанасово II* — офиц. назв. мар. д. *Опанассола* (с. 169), *Ахмылово* — офиц. назв. села *Коротни* (с. 172), *Бабье болото* — топоним (с. 183), *Болотное* — офиц. назв. мар. д. *Лопаш* (с. 226), *Болотная* — офиц. назв. мар. д. *Купсола* (с. 226), *булгар* — назв. древних чувашей (с. 240), *Бульчев* — широко распространенная среди русских Марийского края фамилия (с. 241), *буртас* — назв. добулгарского (дочувашского) волжского фин.-угор. племени, близкородственного, по др.-рус. памятникам (! ?), мордве (с. 245), *Бутырки* — д. со смешанным населением (мари и русские) (с. 247), *Бутылченки* — офиц. назв. мар. д. *Куэр* починга (с. 247), *Бываенки* — офиц. назв. обрусевшей мар. д. *Кугенерь* (с. 250), *Быковка* — офиц. назв. обрусевшей мар. д. Нижний *Кокшан* (с. 251) и многие др.

В ЭСМЯ включены для этимологической обработки фамилии русских, см., например: *Амосов* (с. 101), *Архипов* (с. 153), *Бабин*, *Бабич* (с. 183), *Белоусов* (с. 212), *Белянин* (с. 213), *Бельский* (с. 214), *Блинов* (с. 221), *Бобров* (с. 222), *Брагин* (с. 230), *Будённый* (с. 234), *Бульгин* (с. 241), *Бутылкин* (с. 247), *Бушув* (с. 249) и многие др.

В словник ЭСМЯ перенесен из русского языка целый ряд зоонимов, как, напр.: *Амазонка* (с. 96—97) — кличка коровы, *Барбос* (с. 199), *Барсук* (с. 200), *Бобик* (с. 221), *Булька* (с. 241) — клички собак, *Болван* (с. 225), *Борец* (с. 228), *Букет* (с. 238), *Бурый* (с. 246) — клички лошадей, *Бычок* (с. 255) — кличка телепка, а также слово для подзывания телят и др., прозвищ и псевдонимов, напр.: *Басяк* (с. 203), *Батрак* (с. 204), *Бледный* (с. 221), *Боцман* (с. 229) и пр., хремотонимов типа «*Аврора*» — название крейсера (с. 40), «*Аграрник*» (с. 47), акронимов, создаваемых в русском языке способом аббревиации, напр.: *БАМ* — Байкало-Амурская магистраль (с. 196) и т. п.

Едва ли возможно объяснить степень нагрузки в заглавной части ЭСМЯ окказионализмами типа *брандбакен* (с. 231), *ахтунг* (с. 172), *айновонер* (с. 64) и некоторых других, имеющих в произведении того или иного марийского автора, возможно, лишь одно-, максимум двухразовое употребление. Впрочем, одно перечисление подобных избыточных позиций в словнике ЭСМЯ могло бы занять куда больше места.

Концепция Ф. И. Гордеева в целом поддержана редактором И. С. Галкиным и рецензентом первого тома ЭСМЯ П. Аристэ. Так, И. С. Галкин считает, что «если словник этимологического словаря не ограничен какими-нибудь рамками, а широко охватывает словарный состав языка, то в нем отражается многогранная культура народа, его многовековая история и связи его с другими народами» (От редактора. — ЭСМЯ, с. 3). П. Аристэ в свою очередь отмечает, что в ЭСМЯ «включены не только слова марийских (лугово-восточного и горного) литературных языков, диалектизмы, редкие или ныне уже исчезнувшие лексемы, зафиксированные в памятниках письменности, но и употребительная в языке ономастика» (От рецензента. — ЭСМЯ, с. 5). Включение всех этих слоев лексики в словарь П. Аристэ считает совершенно правильным, «пбо все они представляют такой же научный интерес для изу-

чтения истории народа, говорящего на данном языке, как и словарь повседневной речи. Поэтому возражения против включения ономастики носят непринципиальный характер, в основном это ссылки на непомерное разрастание словаря» (там же). Трудно в связи с изложенным воздержаться от замечания, что заявления редактора и рецензента выглядят здесь не более и не менее как попытка отвести от автора неизбежную критику именно за то, что ЭСМЯ «не ограничен какими-нибудь рамками» (И. С. Галкин) и что заглавная часть словаря загромождена столь неинформативным «для изучения истории народа» (П. Аристе) материалом, который в целом ряде случаев даже не является составной частью марийской лексики.

Редактор ЭСМЯ отметил и негативные стороны первого тома. По мнению И. С. Галкина, «автор иногда слишком увлекается иноязычным влиянием — балтийским, пранским, тюркским, русским — вплоть до слов оноματοпоэтического происхождения, которые нередко могут оказаться случайными совпадениями, а не заимствованиями» (с. 3). В рубрике «От редактора» И. С. Галкин критически рассматривает «некоторые сомнительные моменты». В целом мы разделяем критику редактора, изложенную им на с. 4—5 словаря.

Источником вост.-мар. *brǎzǵä* 'клязник' (с. 231) в ЭСМЯ считается татар. язык (пример не приводится). Но, по-видимому, следует исходить из рус. (диал.) *брызга* 'вздорный, ворчливый человек; брюзга; сплетник, болтун' (Филин 3, с. 227) с закономерной для восточно-марийского наречия ассимиляцией гласных по палатальной гармонии.

Компонент *ар-* в *арвий* 'свежий, трезвый ум' (с. 126), 'здоровая, свежая сила ума' (с. 136) автор возводит к татар., башк. *är*, кирг. *ар* 'совесть, стыд'. Между тем его следует возводить к другому татар. слову: *ару* 'чистый, опрятный; приличный; хороший, здоровый' (Татарско-русский словарь. М., Изд. «Советская энциклопедия», 1966, с. 41, далее — ТРС), которое в мар. языке представлено и вне композита: *ару* 'чистый, чистоплотный' (с. 152). А татар. *эр* 'стыд, самолюбие; упрёк, укоризна, укор' (ТРС, с. 731) является другим заимствованием в мар. языке, освоенным без фонетических и семантических изменений, на что указано и в ЭСМЯ: *är* I 'совесть; стыд; самолюбие; упрёк, укоризна, укор' (с. 125).

Мало вероятно, чтобы рус. диал. *булька* 'водяной пузырь' было заимствовано в мар. язык для обозначения клички собаки: *Булька* (с. 241). Скорее источником последнего является соответствующий русский зооним — ср. название популярного рассказа Л. Н. Толстого «Булька».

Невероятно, чтобы компонент *ать-* в рус. эмфатическом *ать-два* происходил из венг. *egy* 'один' (с. 166).

Мар. *ак* 'цена, достоинство; стоимость, ценность' автор, возражая Х. Паасонену, считавшему это слово татаризмом в марийской лексике, отвёс к числу болгарских заимствований. С этой поправкой, однако, трудно согласиться. Во-первых, у этого слова (по своему происхождению — арабизма) в памятниках древнетюркской письменности VII—XIII вв. не зафиксировано значение «цена» (см.: ДТС, с. 198: *HAQ* 'право, обязанность, долг'). Следовательно, это слово получило дальнейшее семантическое развитие уже на почве татарского языка (см.: ТРС, с. 731: *хак* I 'правда, истина; правд'; III 'плата, оплата, вознаграждение; ценность, стоимость, оценка'; *хак биру* 'оценивать, давать цену'). Во-вторых, чуваш. *хак* 'цена' совпадает с татарским фонетически (одновременно имея с ним и семантическую близость).

Все эти моменты свидетельствуют о том, что чуваш. *как* 'цена' — относительно новое слово, пришедшее в чувашский язык через татарское посредство, а мар. *ак* является татарским заимствованием (с. 66).

Финно-угорское происхождение *Рязани* (< *Pää* + *-ань*) автор пытается доказать примерами из финского языка: *räisy* 'сырость' и *räiske* 'брызги' (с. 105). Известно, однако, что по природе своей эти слова являются ономато-поэтическими, не имеющими финно-угорских соответствий (см. SKES, с. 909: *räiskää*; с. 919: *räyskätä*).

К числу сомнительных и ненадежных нужно отнести также следующие этимологии: *аракш* (с. 130), *араш* (с. 133), *аряптыш* (с. 155), *Арян I* (с. 156), *ас III* (с. 157), *ахал* (с. 170), *бўльше* (с. 249) и некоторые др.

В ЭСМЯ не до конца проведена идентификация словарного материала. Иногда одна и та же лексема, бытующая в разной диалектной среде или же зафиксированная с какими-нибудь графическими особенностями в письменных памятниках, выносится в заглавную часть разных словарных статей. См., напр.: *ävläki* 'дом, куда собирается молодежь на посиделки для игр или на вечеринку в отсутствие старших' (с. 39) и *аулаки* 'тж' (с. 168). Не в одном гнезде даны в ЭСМЯ *ава*, *аба*, *ävä*, *äbä*, 'мать' (с. 35) и *абаг* 'тж' (с. 30). Между тем перед нами одна и та же лексема: *ава* или, в зависимости от типа диалекта, *ävä*, *аба*, *äbä*. Написание же *абаг*, извлеченное Ф. И. Гордеевым из книги Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губ. языческих народов. . .» (СПб., 1791, с. 84), представляет собой не какой-нибудь «ласкательный вариант *абагай* (*авагай*)» (ЭСМЯ, с. 30), но, как я уже имел случай отметить в связи с обсуждением написания другого мар. слова (см.: Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Ранний период. М., 1976, с. 88), транслитерацию русскими буквами первоначального написания по правилам немецкой орфографии мар. *Abah* 'Mutter' из предшествующего издания указанного сочинения Г. Ф. Миллера (см.: Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1759, Bd III, S. 386). Таким образом, мар. *абаг* 1791 г. = *Abah* 1759 г., которое отражает фонетическое [*aba*] 'мать' точно так же, как, напр., в орфографических нем. *Dreh*, *floh*, *gedieh* и др. отражаются фонетические [*drē*] 'вращение; поворот; махинация', [*flō*] 'бежал, убежал', [*gədī*] '(хорошо) развивался; имел успех' и т. д. И в других написаниях, заимствованных из русского перевода книги Г. Ф. Миллера, в конце мар. слов употребляется буква *g* для транслитерации латинского *h* из немецкого издания. См. еще в ЭСМЯ: *алаша* 'мерин' (с. 82) и отдельно *алашаг* 'тж' при татар. *алашаг* 'мерин'. Не ясно, — недоумевает автор, — появление *g* в конце мар. и татар. слов (с. 82). Комментарий к последнему замечанию автора уже не требуется.

Отдельные словарные статьи перегружены избыточной ... формой. Если, напр., антропоним *Амир* действительно «широко употребительное среди старшего поколения восточных мари мужское имя» (с. 100), то для чего еще приводится в статье узкий географический паспорт этого слова, ограниченный всего лишь одним населенным пунктом — д. М. Возж.? См. то же в статьях: *Амос* (с. 101), *Анай*, *Анакай* (с. 108), *Арсай* (с. 149) и др. Перегрузка или избыточность может создаваться и за счет длинных цитаций, не соотносящихся непосредственно с фонетико-семантической стороной этимологизируемых словарных единиц (см., напр., на с. 173: *ача II*). В других же статьях информация к истории слов оказывается явно недостаточной.

Это относится к случаям, когда этимологизируемое слово объявляется заимствованием, напр., из татар. языка, а иллюстративные примеры приводятся из других тюркских языков, кроме татарского. См., например статьи: *аманаш* II (с. 98), *ангыртараш* (с. 123), *Аштук* (с. 177), *адыркан* (с. 51) и некоторые др.

В ЭСМЯ уделяется внимание пересылкам, отсылочным статьям и т. п. Количество такого материала в принципе можно было увеличить, однако не перегружая его такими сведениями, которые потом неизбежно будут повторены в идентичных статьях, лишь с другим анлаутом тех же заглавных слов. Пример отсылочной статьи с перегрузкой: *бреня* Г (Кроковский: Ерусл. П. ЧРС 1883) 'бревно'. Заимств. из рус. яз.: *бревно*, *берно* (Шан. Н., т. 1, в. 2, с. 191), см. *пырня* (с. 231). Пример нормальной отсылки: *амит* Г см. *омыта* (с. 102) и т. д.

Некоторые предложенные в словаре сокращения цитируемых источников получились чрезмерно пространными. См., например: *анят* Л, В, *ян* 1783 г. (СЯЧ. — Эрм. собр. № 216. ПБ им. С.-Щ.), *анят* 1840 г. (Шегр. А. М. — Эрм. собр. ф. 94, оп. I, ед. хр. 232 АЛЮ АН СССР), *аньят* СЗ (д. Кукшары Жилем.: МДЭ — 54, № 43, с. 15) . . . (с. 120) и пр.

Из допущенных орфографических ошибок и опечаток отметим: *генетив* (сс. 31, 106, 156 и др.) вм. *генитив*; *ар-IV* (с. 126) вм. *-ар*, *похититель* (с. 83) вм. *изготовитель*, *Паль* (с. 31) вм. *Палль*, *мятно* (с. 38) вм. *пятно*, *снадь* (с. 175) вм. *снеть*, *околотка* (с. 95 и др.) вм. *околотка*.

Отсутствие строгого единообразия трактовки материала и крайности в принципах его отбора для включения в реестр этимологизируемых единиц относятся к общим недостаткам рецензируемого тома ЭСМЯ, в котором сделана не совсем удачная попытка сочетать научно-исследовательскую работу академического плана с научно-популярной.

Работа над многотомным «Этимологическим словарем марийского языка» только началась. Впереди — труд автора еще не на один год и не на один том. В заключение хочется пожелать Ф. И. Гордесву, взявшему на себя трудную миссию создания единолично полного этимологического словаря одного из финно-угорских языков, в большей мере опираться на все уже достигнутое в марийской и финно-угорской, а также в индоевропейской и тюркской исторической лексикологии.

А. П. Феокистов